

В. В. Кривошеев

**КОРОТКИЕ ЖИЗНЕННЫЕ ПРОЕКТЫ
КАК ОСНОВА АНОМИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Анализируются основные проблемы развития социального познания в современных условиях, высказываются идеи рассмотрения аномии в современном обществе через призму коротких социальных проектов.

The article analyses the main problems of social cognition development under modern conditions; it suggests considering the anomie in the modern society in the framework of short social projects.

Ключевые слова: социальное познание, аномия, социальные проекты.

Keywords: social cognition, anomie, social projects.

Аномичное состояние общества, т. е. состояние рассогласования его нормативно-ценностной основы, изучается с самых разных методологических позиций едва ли не с момента возникновения социологии [7]. Для современного общества, насыщенного горизонтальными связями (сетями), обладающего качественно иными коммуникационными и информационными возможностями, все в большей мере характерна, на наш взгляд, специфичная форма проявления аномии. Эту форму мы определяем как *распространенность коротких жизненных проектов*.

Короткие жизненные проекты — это индивидуальные планы, перспективы (социальные, экономические, духовные, семейные), рассчитанные людьми на непродолжительное время. Под непродолжительным временем в данном случае мы считаем социальное время, не превышающее одного-двух календарных лет. Короткие жизненные проекты предполагают получение максимального объема социальных ресурсов в максимально короткое время. Что приводит, на наш взгляд, к такой ситуации?

Ускорение темпов социальных изменений, насыщенность социального пространства быстро меняющейся информацией, новостным и иным «шумом», техническая возможность все большего числа людей взаимодействовать в режиме он-лайн, с одной стороны, вполне объективны и означают наступление ситуации сжатия социального времени. С другой стороны, социальное беспокойство, страхи и опасения людей за достигнутый уровень благополучия субъективно не позволяют им удлинять видение своих жизненных перспектив. Известно, например, что сейчас, как и в середине 1990-х годов, почти три четверти россиян обеспокоены только тем, как они смогут обеспечить свою жизнь в ближайшем году [10, с. 159].

В то же время оперирование параметром физического времени делает излишне упрощенным рассмотрение социальной жизни индивида или малой группы. *Короткие жизненные проекты связаны не столько с физическим*

временем, сколько со временем сугубо социальным. Короткие жизненные проекты — это не только субъективная рассчитанность людьми жизненных планов на непродолжительное физическое время, но это и сокращение конкретной продолжительности «социальных жизней» человека, причем сокращение намеренное. Такое сокращение пребывания человека в определенном состоянии («социальная жизнь» как конкретное состояние) приводит к релятивности его взглядов, оценок, отношении к нормам и ценностям. Поэтому короткие жизненные проекты и мыслятся нами как реальное проявление аномии современного общества.

Короткие жизненные проекты стали свойственны современному обществу, во-первых, в силу особых коммуникационных и информационных возможностей нынешнего человечества, о чем уже немного говорилось. Речь идет о том, что в настоящее время *произошло небывалое прежде уплотнение социального пространственно-временного континуума*, в котором живет человек развитого индустриального или уже постиндустриального общества. Вся социальная жизнь в условиях утверждения сетевого информационного общества, в котором возможности поддержания горизонтальных связей и зависимостей делаются все более зримыми и наиболее значимыми для человека. Сама структура общества делается дуальной — «повседневный путь» человека и его «жизненный путь» выражаются в постоянном перемещении, во взаимодействиях в уплотненном, сжатом пространстве-времени, не локализованном более, по мысли Э. Гидденса, понятиями «конкретное место», «точное время» [4, с. 488, 490]. Интернет не знает часовых поясов, фиксации точного местопребывания агента связи для данного индивида. Даже пространственно находясь в одном месте, человек может виртуально присутствовать на каких-либо мероприятиях, проводимых на ином континенте, в режиме реального времени поддерживать одновременный контакт с десятками людей, разделенных многими границами, которые делаются все более проницаемыми. Получается, что, уплотняя время своего участия в социальной жизни, человек часто теряет многие возможности неспешного просчета последствий своей активности, утрачивает ощущение подлинности, реальности происходящего. «Укорачивание» пространственно-временных аспектов индивидуальной и социальной жизни приводит к ощущению ее непрочности, ненадежности, необходимости непрерывного приспособления к этому неуловимо изменчивому миру.

От человека современного общества все в большей мере требуются не столько обретение им высокого профессионализма на длительный промежуток времени, сколько способность быстро включаться в новые взаимодействия, осваивать новые сферы деятельности. От человека требуется не закреплённость статусов и ролей, а максимальная адаптивность к смене занятий, квалификации. Ф. Уэбстер отмечает, что сейчас все в большей мере нужны «люди *самопрограммируемые*, умеющие обучаться и переобучаться по мере необходимости. Все это делает их в высшей степени приспособленными к выживанию в быстро меняющемся и устрашающе “гибком” мире информационного капитализма. Ушли в прошлое времена, когда человек имел обеспеченную работу в бюрократическом аппарате, теперь он заключает контракт на осуществление того или

иною проекта» [23, с. 152]. Такая социальная гибкость человека порой становится гипертрофированной, она начинает относиться и к ценностям его предпочтениям. Новые «информационные кочевники» с пренебрежением могут относиться к таким понятиям, как преданность фирме, своему коллективу. Такие люди не ищут надежности даже в духе прежней корпоративности. Все больше становится людей, которые в любой жизненной ситуации опираются не на коллег по конкретному месту работы, а считают необходимым вызывать реакцию у виртуального мира, состоящего из таких же неприкаянных пользователей, как они сами.

Разумеется, нельзя, видимо, утверждать, что такие работники, которые уже не связаны с «трудом общего типа», по определению Уэбстера, составляют большинство в современном обществе. По-прежнему многие индивиды включены и в традиционные производственные процессы. Строительство зданий и дорог, доставка грузов и многое другое достигается и с использованием большого числа механизмов, но и с немалыми физическими усилиями. В деятельности любых работников присутствует, конечно, информационный компонент, но он все же не выступает главным, основным. В то же время постоянное подчеркивание важности именно информационной составляющей всей трудовой деятельности приводит ко многим социальным следствиям. Речь, в частности, идет о том, что именно сотрудники, в решающей степени связанные с получением и обработкой информации, создают определенный социальный фон, выступают в качестве носителей новых ценностных координат, могут служить образцом для подражания будущих поколений занятых.

В этой ситуации понятна позиция М. Маклюэна, который, порой даже полемически заостренно, показал, насколько коммуникация во всех ее проявлениях насытила жизнь человека *квазиощущениями вечного бега за удовольствиями и все более новыми образами*. Так называемые хиты, блокбастеры непрерывно сменяют друг друга с такой скоростью, что люди не успевают привыкать к чему-либо устойчивому, художественно ценному. Само восприятие людьми художественной информации делается все более индивидуализированным, отгораживающим человека от коллективного сопереживания. Получается примечательная ситуация: именно самые массовые источники оценок разного рода ценностей навязывают некие образы, но восприятие их должно быть сугубо индивидуализированным. Трудно в этой связи не согласиться с утверждением, что прежнее общество хотя и было во многом гомогенизированным, но состояло одновременно из дифференцированных индивидов, которые были в состоянии «эмоционального смешения», т. е. возможности включения своей жизни в жизнь иных. Теперешний человек, как никогда прежде имеющий возможность коммутировать с другими, остается одиноким. Образовался новый, фрагментированный индивид [14, с. 60–61]. Эта фрагментарность связана и с исключительно быстрой сменой настроений, неустойчивостью эмоциональных состояний. Как подчеркивал еще в середине 1950-х годов П. А. Сорокин, «эмоциональная неустойчивость проявляется в слишком частых эпидемиях бурных страстей и смены настроений, которые вспыхивают и гаснут без особых причин и которые постоянно нарушают душевное спокой-

стве общества и ощущение безопасности. Незначительные и даже вообразаемые события ввергают его [человека] в состояние то самой дикой радости и самовосхищения, то тревоги и страха; то делают его гневным и воинственным, то любезным и мирным...» [21, с. 76]. Ситуация господства коротких жизненных проектов своеобразно сочетается с рыночной психологией. Появившийся «новый гедонизм» означает становление коммерциализированного социума, в котором объектом купли-продажи становится буквально всё [24, с. 63].

На первый взгляд, утверждение о наличии ситуации коротких жизненных проектов не вполне верно отражает существо происходящего. Можно вспомнить, например, распространенность в странах Запада, да теперь уже и не только в них, кредитов, предоставляемых гражданам для разных целей. А ведь уже само наличие кредита подразумевает видение человеком определенной перспективы. Но надо иметь в виду, что привычка «жить в кредит» далеко не всегда является свободным выбором человека, а диктуется всем укладом социальной жизни, необходимостью «не отстать от других», выглядеть не менее благополучным, чем они. Поэтому именно теперь произошло превращение *гомо экономукуса* в *гомо банкуса*. То есть в человека, зависимого от кредитно-финансовой системы. Человек стал *сегодняшним заложником завтрашних проблем* [8, с. 347].

Несколько замечаний о том, что означает «ситуация коротких жизненных проектов» применительно к современному российскому обществу.

В советский период истории не только декларировались, но и на практике осуществлялись в основном длинные жизненные проекты. Человек получал, например, после окончания высшего учебного заведения так называемое государственное распределение, т.е., по сути, прикреплялся к какому-нибудь предприятию, учреждению как минимум на три года. Его карьерный рост, вся его восходящая мобильность могли осуществляться во время его активной трудовой жизни в рамках данной социальной организации. На предприятии или в учреждении человек «вставал в очередь» на жилье, часто обретал там друзей, единомышленников, тех, кто разделял с ним досуг. Там человек мог создать и семью. Получается, что деятельностные коллективы выполняли роль важнейших первичных социальных ячеек, в которой проходила вся жизнь человека. Это были весьма стойкие формы социальной организации, в которых человек, в частности, корректировал свои действия и поступки, оценивал себя и других в той или иной ситуации [9, с. 179]. Надо только при этом иметь в виду, что очередь на жилье «подходила» никак не раньше через 10, а то и через 15–20 лет. До этого времени работник мог получить лишь место в общежитии или жить со своими родственниками. Приобретение сложной бытовой техники, смена мебели, не говоря уже о покупке автомобиля, учитывая «советскую структуру цен», когда обязательные траты (нехитрый набор продуктов, проезд в городском транспорте, плата за жилье, домашний телефон и т.п.) были небольшими, а то, что официально советской пропагандой признавалось роскошью (автомобиль, видеомагнитофон, ковры и т.п.), стоило очень дорого [5, с. 95] и были возможны только на основе длительного планирования семейного бюджета. Ситуация длинных жиз-

ненных планов предполагала наличие и определенной системы ценностных координат. Социологические исследования, проведенные в 1963—1966 годах, показали, например, что подавляющее число молодых людей (70 % от числа опрошенных) считали для себя главными жизненными ориентирами «иметь интересную, любимую работу», «пользоваться уважением окружающих», «любить и быть любимым». Исследование, проведенное в Москве в 1982 году, выявило, что на первом месте среди жизненных ценностей респондентов из числа молодежи была «интересная работа» (75,3 %), далее шли — «семейное счастье, счастье в любви, детях» (66,4 %), «уважение людей» (43,6 %) [20, с. 91, 94].

Сказанное отнюдь не означает, что длинные жизненные проекты были свойственны всем индивидам, полностью и всегда отражали положение в советском обществе. На предприятиях тогда фиксировалась и так называемая «текучесть кадров», молодежь, особенно в ходе осуществления закона о всеобщем среднем образовании, настойчиво стремилась оставить сельскую местность и переместиться в города, где социокультурные условия жизни существенно выигрывали в сравнении с деревенскими. Да и уровень разводов в славянских, прибалтийских республиках Советского Союза был, как известно, высок. И все же для значительного большинства людей была приемлема и характерна именно длительная перспектива жизни, которая получила своеобразное оформление в идеологеме «уверенность советского человека в завтрашнем дне». Человек действительно был уверен, что он не останется без работы, без медицинского обслуживания, без образования, без весьма ограниченного, но, как казалось, навсегда гарантированного материального достатка.

Кардинальная трансформация российского общества, начатая в конце 1980 — начале 1990-х годов, одновременно означала и резкий переход значительного числа людей, целых социальных групп и категорий к коротким жизненным проектам. Экономическая ситуация складывалась таким образом, что для весьма большого числа индивидов можно было говорить о необходимости реализации стратегии элементарного выживания. По разным оценкам, число людей, находящихся за чертой даже официально установленной черты бедности, колебалось к середине 1990-х годов от одной трети [18, с. 59] до 70—80 % [15, с. 16]. Короткие проекты обусловлены и фетишизацией финансовых возможностей человека. Социологические исследования показывают, что главным в трудовой деятельности подавляющее большинство респондентов (85 %) видят уровень ее оплаты. Доля участников опроса, полагающих, что работа должна быть интересной, составляет 53 %, а перспективной, дающей возможность профессионального роста — всего 23 % [22].

Резкий ценностный разворот, падение уровня общественной нравственности, только усугубившие обстановку социального краха, обусловили изначальное сокращение временной протяженности жизненных проектов нового слоя, слоя предпринимателей. Полная привязанность бизнеса к сырьевым отраслям экономики, а значит, почти тотальная зависимость от конъюнктуры цен на мировом рынке нефти и газа, давление криминалитета предопределили необходимость ситуативного реагирования на внедрение рыночных механизмов хозяйство-

вания, предельно быстрого съема сверхприбыли и перевода денежных ресурсов за рубеж. По информации МВД, с 1990 до 1996 года незаконный вывоз капитала из нашей страны составил не менее 100 млрд долларов [27, с. 23]. А по оценке Н. Шмелева, за 1990-е годы из нашей страны эмигрировало, по его выражению, не менее 300–400 млрд долларов, что в полтора-два раза превышало задолженность России внешнему миру [29, с. 59]. И теперь, в условиях развертывающегося кризиса, отток капитала из страны продолжается.

В состоянии социальной катастрофы особенно сильно сказалось сокращение длительности жизненных проектов на молодом поколении. С одной стороны, оно в значительной степени потеряло нравственные ориентиры. Молодые люди на личном опыте стали все чаще убеждаться, что наибольшего успеха в жизни достигают отнюдь не те люди, которые имеют твердые моральные принципы, проявляют трудолюбие, старательность, совестливость, милосердие, а те, кто вообще не имеет позитивных жизненных установок, кто желает и умеет достичь свои цели быстро и любой ценой.

Надо к тому же иметь в виду, что в 1990-е годы стала наблюдаться не фиксируемая прежде на таком уровне поляризация доходов, а значит, и уровня, качества жизни людей. Уже к 1995 году, например, 10 % наиболее обеспеченных граждан получали доходы в 15 раз, превышающие доходы 10 % наименее обеспеченных [16, с. 179]. Рекламируемые средствами массовой информации «гламурная жизнь» входила во все большее противоречие с наблюдаемой молодыми людьми реальностью, вызывала чувства зависти, досады, агрессии, желание мести, что объективно снижало и без того невысокую мотивацию производительного труда, получения образования, позитивных профессиональных знаний. Исследования, проводимые социологами в середине 1990-х годов, показали, в частности, быстро наступившую «смену вех». Теперь главным в жизни юноши и девушки из числа учащейся молодежи считали «умение делать деньги», вне зависимости от способов достижения уровня высокой обеспеченности. Среди школьников старших классов такую позицию разделяли около 54 %, среди учащихся профессионально-технических училищ — 61,4; среди учащихся техникумов (колледжей) — 57,6; студентов высших учебных заведений — 37,5 % [17, с. 14]. Исследования, проведенные в 1997 году, показали, что примерно каждый пятый респондент из числа молодых людей считал, что если «жизнь прижмет», то можно временно заняться «работой» в криминальных группировках [12, с. 103]. Более поздние исследования подтверждают указанные тенденции. В умонастроениях молодежи все в большей мере верх берут вседозволенность, эгоцентризм. По отношению к другим людям часто агрессивны настроены 20 % молодых людей, 71 % испытывают это состояние время от времени [11, с. 125].

В условиях, когда скорей всего интуитивно все большее число молодых людей понимает, что они навсегда отрезаны от качественного жилья, образования, отдыха, других благ, многие из них стали ориентироваться на жизнь социального дна, изгоев социума. Отсюда и короткие жизненные проекты молодых: наркоману бесполезно внушать, что до 30 лет доживает редкий из наркозависимых людей. А больше жить такому человеку и не

надо, он не видит, не может увидеть перспектив для себя в условиях нынешней социальной жизни. Как свидетельствуют оценки экспертов, по сравнению с 1990 годом в 2002 году число больных наркоманией в России возросло в 10 раз и достигло более 2 млн человек [30, с. 70]. Молодому человеку, который чрезмерно потребляет спиртное, также бессмысленно говорить о жизненных перспективах. По данным Комитета по безопасности Государственной думы, в 2007 году в стране было зафиксировано 65 тыс. алкоголиков, чей возраст не превышал 15 лет [26]. Сейчас каждый третий подросток в возрасте 12 лет, что называется, «балуется» пивом, среди 13-летних таких уже две трети. Потребление водки резко возрастает с 15-летнего возраста [28, с. 93–94]. Нельзя не видеть, что все это происходит на фоне едва ли не полностью разрушенной системы социализации подрастающего поколения.

Преобладание коротких жизненных проектов в сочетании с фетишизацией денег выражается и в разрушительном отношении к среде обитания. Это относится, прежде всего, к представителям бизнес-сообщества, особенно связанным с добычей и переработкой леса, рыболовством. По данным Федеральной службы налоговой полиции, которая какое-то время существовала в нашей стране, только в 1999 году общая сумма ущерба от нарушений законодательства при лесозаготовках и товарных операциях с лесом составила 158,5 млн долларов. В 2000 году криминальные показатели возросли в разы. За несколько лет объемы незаконного экспорта древесины только в Китай увеличились в 30 раз, в Южную Корею – в 3,5 раза. Число фирм, специализирующихся на экспорте древесины, за год возросло в 3 раза. При этом уничтожались реликтовые кедровые леса [25]. Можно с полным основанием утверждать, что природа разрушается вследствие нежелания значительной части предпринимателей заглянуть в будущее.

Нетрудно заметить, что в ситуации утверждения коротких жизненных проектов в полной мере проявляется такая российская особенность, как максимализм, полярность отношения к действительности. На такой специфично российский подход к социальной жизни, как известно, обращал внимание Н. А. Бердяев: «Для русских характерно совмещение и сочетание антиномических, полярно противоположных начал. Россию и русский народ можно охарактеризовать лишь противоречиями» [2, с. 15]. По сути, такие же черты в русской ментальности выделял и Н. О. Лосский. «Экстремизм, максимализм, требование всего или ничего, невыработанность характера, — писал он, — отсутствие дисциплины, дерзкое испытание ценностей, анархизм, чрезмерность критики могут вести к изумительным, а иногда и опасным расстройствам частной и общественной жизни, к преступлениям, бунтам, к нигилизму, к терроризму. Большевицкая революция есть яркое подтверждение того, до каких крайностей могут пойти русские в своем искании новых форм жизни и безжалостном истреблении ценностей прошлого» [13, с. 86]. Получается, что и по отношению к временным рамкам жизни россияне относятся с такой же категоричностью. От едва ли не полного пренебрежения раздумьями о дне сегодняшнем, отнесения жизненного благополучия только к будущему, что зафиксировалось в советский период истории, до весьма своеобразного гедонисти-

ческого сведения всей индивидуальной социальной жизни ко дню сегодняшнему, нежелания очень многих людей формировать длительные проекты своей деятельности, всей социальной жизни.

Итак, есть все основания утверждать, что в основе современной дезорганизации российского общества лежит переход к коротким жизненным проектам, что и вызывает аномичное состояние социума, блокирует многие предпринимаемые меры по усилению управляемости социальными процессами, преодолению тяжелых последствий 1990-х годов.

Что может означать переход к коротким жизненным проектам с точки зрения методологии исследования современного общества? Как измерять едва уловимые быстротекущие процессы, присущие ныне социуму, что можно предложить тем, кто хочет не просто зафиксировать некие реалии, но и вникнуть в сущность происходящего ныне?

Прежде всего следует, на наш взгляд, укреплять и развивать междисциплинарные исследования современного социума. Усилия социологов и политологов, специалистов по конфликтологии, социальной психологии, других отраслей гуманитарного знания следует объединить в рамках научных центров, в ходе реализации таких проектов, которые позволили бы комплексно, но на основе единой парадигмальной установки отслеживать многогранные связи и зависимости, диктующие именно короткие жизненные планы людей, социальных групп и категорий.

С другой стороны, чтобы исследовать неуловимую быстроту смены состояний в современном социуме, необходимы приемы не прежнего конструктивизма, постулировавшего некие общие принципы, идеальные модели. Нужно, вероятно, все более решительно отходить от прежних базовых представлений о том, что аномия — это лишь *одно* свойство переходного состояния общества. Аномии следует трактовать как сущностную характеристику современного общества, преодоление которой принципиально невозможно. Возможно лишь снижение уровня девиантных проявлений, оздоровление основных сфер социальной жизни, нахождение точек сопряжения жизненных ориентиров разных поколений даже в условиях ускорения темпов социальных перемен. Такое рассмотрение аномии позволит в перспективе отработать новые методологические приемы исследования социума. Пока представляется ясным одно: на смену конструктивизму должен прийти и факторный анализ социальной жизни и какие-то пока, может быть, не вполне артикулированные способы съема социальной информации в режиме он-лайн.

Список литературы

1. Аналитический центр Ю.А. Левады. [Электронный ресурс]. URL: www.levada.ru.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
3. Герасименко О. Депутат Меня не знал, что ему «помогают» уголовники // Комсомольская правда. 1997. 15 марта.
4. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М., 2005.
5. Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А. Белая книга: Экономические реформы в России 1991–2001 гг. М., 2003.

6. Горяинов В.П. Критерии поступательности, обратимости, стагнации и предсказуемости социального времени // Социологические исследования. 2006, №4.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996; Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности: Современные буржуазные теории. М., 1966; Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности: Современные буржуазные теории. М., 1966.
8. Зиновьев А.А. Запад. М., 2007.
9. Зиновьев А.А. Русская трагедия. Гибель утопии. М., 2002.
10. Козырева П.М. Российское общество: тенденции исторического транзита // Россия реформирующаяся: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М., 2007. Вып. 6.
11. Кудрявцева Л.А. Ловушка общественного сознания // Социологические исследования. 2003. №6.
12. Лисовский В.Т. Динамика социальных изменений (Опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи) // Социологические исследования. 1998. №5.
13. Лосский Н.О. Характер русского народа: книга первая. М., 1990.
14. Маклюен Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., 2003.
15. Наумова Т.В. Становление среднего класса в реформируемой России // Социально-гуманитарные знания. 1999. №4.
16. Осипов Г.В., Левашов В.К. и др. Перестройка и радикальные реформы: десять лет спустя // Социально-политический журнал. 1996. №1.
17. Проблемы занятости учащейся молодежи. М., 1995.
18. Ракитская Г. Состояние и перспективы рабочего движения в России // Вопросы экономики. 1995. №6.
19. Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. 1998. №5.
20. Соколов В.М. Социология нравственного развития личности. М., 1986.
21. Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. М., 2006.
22. Социологи о российском обществе и надеждах россиян // Комсомольская правда. 2007. 8–15 февр.
23. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.
24. Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.
25. Хохлов А. Героин идет в Россию тоннами // Деловой вторник. 2001. №19 (324).
26. Цена, которую мы платим, непомерно высока // Комсомольская правда. 2007. 20 нояб.
27. Шели Л. Постсоветская организованная преступность в международной перспективе // Изучение организованной преступности: русско-американский диалог. М., 1997.
28. Шереги Ф.Э. Социология девиации: Прикладные исследования. М., 2004.
29. Шмелев Н. Кризис внутри кризиса // Вопросы экономики. 1998. №10.
30. Щербакова Е.М. Нарконашествие в России // Социологические исследования. 2004. №1.

Об авторе

В.В. Кривошеев — д-р социол. наук, проф., РГУ им. И. Канта,
e-mail: politology101@rambler.ru.

About author

Professor Vladimir Krivosheyev, Department of Political and Social
Science, IKSUR, e-mail: politology101@rambler.ru